

тца» имело место в прошлом, а потом прекратилось; как говорили обвинители, Максим «говорил и учил... яко седение христово одесную отца мимощедшее и минувшее». С точки зрения ортодоксального православия получалась действительно еретическая мысль. Тем не менее на соборе 1525 г., так же как и на соборе 1531 г., Максим отстаивал свое написание, утверждая, что между ним и прежним «разньства ни котораго несть»⁸². Позже, в «Исповедании православной веры», написанном после 1534 г. во время тверского заключения Максима, он призвал свою правку ошибочной и объяснил ее недостаточным знанием русского языка: «занеже не у совершенно изучившу мя ся вашей беседе»⁸³. Недостаточным знанием русского языка, с одной стороны, и расхождениями между старыми русскими переводами и греческими текстами, привлекавшимися Максимом Греком, с другой, объясняются и некоторые другие неточности, имеющиеся в переводах Максима⁸⁴, которые также были использованы обвинителями для доказательства его еретических взглядов. В вину Максиму были поставлены и простые описки писцов⁸⁵ и, наконец, передача им чужих мнений⁸⁶. Все эти «вины», если бы суд был хотя бы в какой-то мере беспристрастным, легко могли быть разобраны и извинены, так как в вопросах догматических Максим Грек всегда стоял на ортодоксальных позициях⁸⁷. Но судьи, руководимые лишь стремлением очернить обвиняемого, собрали и свалили в одну кучу все — и неточности, связанные с недостаточным знанием русского языка, и простые описки, и передачу Максимом чужих мнений.

Особые старания руководители процесса приложили к тому, чтобы уличить Максима Грека в еретических взглядах на Христа: этого вопроса касалось, как мы видели, большинство обвинительных пунктов религиозно-догматического характера. И это не случайно. Христологические споры были типичны для русской религиозно-философской мысли конца XV — начала XVI в.: сомнения в ортодоксальном учении о Христе являлись одной из форм, в которой выражалась оппозиция господствующей церкви и ее теории⁸⁸. В частности, догмат о двойной природе Христа подвергался нападкам со стороны Вассиана Патрикеева, человека, с которым Максим Грек был связан общностью взглядов на многие вопросы церковной жизни, а также личными узами. Организаторы процесса, предъявляя Максиму Греку обвинение в «хуле» на Христа, учитывали, таким образом, и религиозно-философский фон эпохи, и личные связи Максима.

С религиозно-догматическими обвинениями Максима было связано и обвинение его в непризнании русских книг Священного писания и богослужебных. Обвинители постарались этот важный для них пункт обосновать «документально»: они основывались на «записи» — доносе, поданном на Максима Протопопом московского Успенского собора Афанасием, протодиаконом Иваном Чушкой и попом Василием. «... ты здешние книги хулишь, и укоряешь, и отметаешь,— говорил Досифей Максиму, ссы-

⁸² ЧОИДР, 1847, № 7, Отдел II, стр. 1, 12.

⁸³ Сочинения Максима Грека, т. I, стр. 26—28.

⁸⁴ Е. Г о л у б и н с к и й. Указ. соч., стр. 720—722.

⁸⁵ Например, Вассиану и Максиму было поставлено в вину следующее написание правила Кирилла, патриарха александрийского, в Кормчей Вассиана: «Аще кто наречет пречистую Богородицу деву Марию, да будет проклят» (ЧОИДР, 1847, № 7, Отдел II, стр. 12), написание, в котором перед глаголом «наречет» было пропущено по небрежности писца отрицание «не».

⁸⁶ Когда Максиму Греку было поставлено в вину высказывание о том, что плоть Христа после его вознесения осталась на земле, почерневшая, бродит по пустым местам, то Максим сначала отрицался, а потом показал, что «то он говорил к некоей рече, что то говорят лихие люди неверные», т. е. говорил, передавая чужие мнения (ЧОИДР, 1847, № 7, Отдел II, стр. 12).

⁸⁷ В. С. И к о н н и к о в. Максим Грек и его время. Киев, 1915, стр. 197.

⁸⁸ В. И. К о р е ц к и й. Христологические споры в России (середина XVI века).— «Вопросы истории религии и атеизма», XI. М., 1963, стр. 334—361.